

*Живое
авторское
слово*

МНОГОТОЧИЕ НЕВОЗВРАТА...

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

«СКИФИЯ»
Санкт-Петербург
2013

ББК Я4 94
М73

Серия: Живое авторское слово
Том 1

Многоточие невозврата...

М73 Многоточие невозврата... — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2013. — 416 с.

Этой книгой издательство «Скифия» начинает книжную серию «Живое авторское слово». Приглашаем всех современных авторов к участию в отборочных циклах серии.

Подробности на сайте: **www.Musbooks.ru**

ББК Я4 94
М73

При оформлении обложки использована работа **Виталия Никонова «Сны»**

© Коллектив авторов, 2013
ISBN: 978-5-00025-001-3 © ИТД «СКИФИЯ», 2013

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

От редактора

Дорогой читатель! В твоих руках первый том новой серии «Живое авторское слово». Ты спросишь: «А в чем же отличие новой серии от предыдущей — «Антологии сетевой поэзии»?» А в том, что этот младенец в отличие от своего старшего брата — живой. И та и другая серии объединяет современных русскоязычных поэтов со всего земного шара, но в новой серии исчезает момент «виртуальности» — составитель книги, в моем лице, находит новых авторов в поэтических сообществах — ЛИТО, Союзах писателей, авторов, уже имеющих свое имя в поэтическом мире.

И еще: в новой серии планируются как коллективные, так и персональные сборники авторов.

«Многоточие невозврата» — достаточно сложный сборник для восприятия неподготовленного читателя. Точка невозврата — состояние, когда событие уже случилось и невозможно что-либо изменить. Ты, читатель, ведь сталкивался с подобным в своей жизни? Это может быть и утрата любимых, и переход на новый уровень, когда вдруг понимаешь, что прошлое уже невозможно.

И даже если это за пределом печали, то все равно, пока ты сам жив, это движение вперед.

Приятного прочтения, дорогой читатель!
Пиши нам о своих впечатлениях по электронному адресу: **Tanya@pomysova.ru**
Мы услышим.

Татьяна Помысова
редактор книжной серии «Живое авторское слово»

Предисловие

По сравнению с писательством игры на скачках — солидный, надежный бизнес.

Бисмарк

Железный канцлер, хоть и далек от литературы, но, как всегда, прав. От себя добавлю очевидное: внутри самого писательского дела проза несоизмеримо выгоднее поэзии. Во всех смыслах. Взгляните на прилавки книжных магазинов: их прочно заняли легионы авторов-прозаиков. На их фоне поэты — горстка чудаков, чужих на празднике жизни, вернее той ее части, что называется литературой.

Поэзии всегда мало. А хорошей — и того меньше. И самих ценителей поэзии не так много. Поэт — в некотором смысле опасная профессия. Поэт не имеет право на ошибку, на фальшь. В прозе графомания не так заметна, особенно в крупномасштабных произведениях. Плохая проза видна не всегда и не всем. И поэтому проза, по большому счету, не всегда является искусством.

Если ты взялся за повествовательный жанр, то можешь себе позволить писать более или менее ярко. Писатель, как говорится, пописывает, читатель, соответственно, почитывает. Поэт такой роскоши лишен.

Потому что если твои стихи никто, кроме тебя самого, не пробует запомнить, выучить, то и не поэт ты вовсе.

Потому что «почитывать» тебя никто не будет. Либо будут ЧИТАТЬ, либо нет.

В нашем новом поэтическом сборнике «Многоточие невозврата» объединены авторы из литературных сообществ Москвы и Санкт-Петербурга. Впрочем, не это ведь важно. Принадлежность к уважаемой организации, членство в Союзе писателей, конечно же, никоим образом не гарантируют любовь читателя и творческий успех.

Наш первый том серии «Живое авторское слово».

И хочется думать, что не последний. Но это, читатель, зависит от тебя.

Дмитрий Фролов-Буканов

Татьяна Матвеева
На холмах Огдоады

Танец Девы — 21 аркан Таро

I. Абсентом по венам

Между Прагой и Веной, в середине Пути,
В звездный час Воскресенья у весов Маати...
На холмах Огдоады с Элевсинским венцом
Я станцую для вас — перед мира концом.

* * *

*Spirit in the bottle — when they set it free —
made of the Salt and Sulphur and of Mercury
Yliaster
(~ Therion, «Three treasures»)*

II. Танец Девы

Феано

Я — Ангел Розы и Креста,
И алхимическая муза,
И вновь вливаю вам в уста
Плоды священного союза.

Я ветошь сброшу падших дней,
И квинтэссенция открыта,
Златой вонзится кадуцей
В зеленый свет последней битвы.

И вновь восстанет Вавилон,
И гневно улыбнутся боги,
И непокорный Метатрон
Взойдет на небо, вол двурогий,

И ты — с ацетом на устах
Несешься в бурную стремнину,
Мой вдох — Луна на Небесах
Взирает на земли долины.

На устья рек и гребни гор,
И рыбы гон в глубинах Нила,
Я — Трисмегист и Метатрон,
Восставший из своей могилы.

И вновь сжимаю кадуцей
К святой Алхимии Причастья,
И увожу с собой людей
К земле пленительного счастья.

И вновь горит Звезда Полынь,
Абсент подобен витриолу,
Он сбросит ржавчину с людей
Огнем Пифагорейской школы.

И герметическая смерть...
Воскреснет Дева-Геометр!
И дней весенних круговерть —
Как горечь северного ветра.

III. Misterium Conjunctionis

Вацлаву фон Альферду

Я — алхимическая соль
И алхимическая сера,
Свою я исцеляю боль
Полынью горькой, негой веры,

И вновь восходит Сефирот,
И звезд-планет движенья верны,
На барке миллионов лет
Свет Лунный — в нем ни капли скверны;

И герметический адепт
Приходит с запада, как трикстер;
Вот дом, и в доме желтый свет,
И горстка изумрудных истин.

И геометрия орбит,
И звезд далеких свет — лампы
На чреве Бабалон-Нюит...
Прошу я света — жажду ада,

И ты — бог, царь и метатрон,
Вращаешь мир своей рукою,
И вспыхнет в небе Вавилон,
И свои двери Рай откроет.

Забудь, полынная сестра,
Свою измученную душу,
Чисты слова, чисты дела,
И остается только слушать,

Идти вперед, и вверх, и вниз,
Как на цепи золотой нетленной,
К огню своих небесных риз;
Абсент в моих струится венах.

IV. Персефона

Йорунн

Когда все звездные лампы
Угаснут в мирной тишине,
За каплей света, каплей ада
Бог Трисмегист сойдет ко мне

Меня принять в свои объятия,
И мое сердце — как скала,
В круг Посвященных встану к братьям
И вспомню то, что я жила.

Он силой отворит уста
Священной Девы-Геометра,
Полынь звезды его чиста,
Как звуки лиры, песни ветра.

И с ним войду я в камыши,
Я человек, но лишь для вида:
Я отблеск призрачной души,
Я Персефона, дочь Аида.

Во искупленье матерей
И всех детей, что не узнали
Как будут жить среди теней
Потомки... как они устали!

Но мы утешимся в пути,
И хризантемы расцветают,
Нас гонят люди — но идти
Во тьме не страшно, тайны зная.

И каждый голубь — Дух Святой,
И в каждой девушке Мария,
Цветок отныне золотой,
Цветок, оплавленный в горниле.

Полны уж слез мои глаза,
И стекленеющие раны,
Мою печаль... за все года,
Излечит зелье — без изъяна!

И с хризантемой на груди
Я — алхимическая роза,
Я *Rosa Mystica*, внутри
Мои надежды, свет и слезы.

Тот разомкнет мои уста —
Венчальный поцелуй смертельный,
Я дочь и мифа, и креста,
И всех престолов запредельных.

Азалептиновая желчь
И горечь звездного абсента —
Приди ко мне, моя любовь,
Ты — кадуцей, я — эльвовента.

V. Желтый цветок

Миле Музлаевой

Я — герметическая роза
И хризантема для Христа,
Мои Он оттирает слезы
Сорокадневного поста.

Мне силой разомкнут уста,
Цветку в горниле атанора,
И звезды на свои места,
На миг качнувшись, встанут скоро.

И бледно-холоден опал,
И кровь желта, и стынут раны,
Я — эльвовента и мечта,
Я дочь Земли и Океана.

Меня влечет зеленый свет
Немеркнувшей Монады Истин,
И герметический абсент —
Опал в короне Трисмегиста.

ВЫХОД В СВЕТ ДНЯ

И вот затем приходит день...
Когда кончаются мученья,
Страданья, горести, сомненья,
И солнце изгоняет тень.

И солнце изгоняет тень,
И в небосводе ликование,
И льется золотом сиянье:
Ночь сгинула. Ликует день.

О прошлом можно позабыть:
Все твои прежние желанья
Исчезнут в этом ликование...
Свой голос в хор хвалящий влить!

Свой голос в хор хвалящий влить —
Петь вместе с духами восхода
Литаньи божества приходу —
О, только это значит — жить!

Смерть — переход; она — как тень
Уйдет; ворота дня раскрыты —
Ты чист, ты чист, и в них входи ты!...
И вот, затем: приходит день...

INIT

Если в жизни смысла нет,
То и в смерти нет его тоже.
Вокруг темно — как найти мне ответ,
В конце туннеля мерцающий свет?
Мне подскажи, о Боже.

Слова распались на буквы в ночи,
Не слышу, что мне говорят.
Вокруг тишина — кричи, не кричи,
Мне рот зажимают — смирись и молчи,
Как поезд вернуть назад?

Поезд мчится и мчится в ночь,
Размеренный стук колес.
Это поезд в ад, я знаю, точь-в-точь,
Никто не придет, чтобы нам помочь,
Ответить на мой вопрос.

Ответить на мой последний вопрос,
В чем был мой последний грех,
И что за дьявол меня занес
В этот поезд ночной, в этот поезд грез,
Где я отвечаю за всех.

Где пожертвовать надо собой
И кровь на алтарь пролить,
Где надо родиться опять — иной,
С ума сойти, чтобы стать собой,
Умереть, чтобы снова жить.

Я взяла с собой груду разных вещей,
Груды своих грехов,
На грудь надела столько цепей,
Кресты и розы — знак жизни своей,
О мне говорящих без слов.

У врат преисподней я их сорвала,
Отвергнув все, что со мной.
Спасая других, никого не спасла,
Стремясь к познанию, к безумью пришла,
И вышла — новой, иной.

Я вышла, очки пополамломав,
В новой аркады сеть,
Так — никому ничего не сказав,
Смысл не найдя, ничего не сказав,
И рассвет начинал алеть.

Мистический брак Тота и Сохмет

* * *

Пред забытым пилоном в нубийской пустыне
Плачу я о пустыне, что в душах людей...

* * *

...и сказочный поезд из сказки
Деву-Сохмет везет на праздник,
Из пустынных краев далеких
В дом супруга, что есть Гермополь.

Только шурясь с полуулыбкой,
Барельеф на стене холодной
Отпускает ее, невесту,
Чтоб не пить пива вместо крови,

Чтоб карать и давать знаменья;
И, врагов своих повергая,
В непрерывном кругов вращенье
В доме Тота она сверкает.

Облеченная в ризы белы,
Чище лотоса, чище виссона,
Улыбается Львица-Дева
Что невестой была непреклонной.

Утро Посвященных

Посвящается V.'G.'

Мы — ваши дети из реторт,
Разбившие свои оковы,
Вливаем в ваш раскрытый рот
Зеленый яд Святого Слова.

И гнев отцов и матерей
Растает с изумленным взглядом,
Когда увидите детей,
Всех, кто ушел навеки, рядом.

* * *

Опал, что заперт в хрустале,
Святой Грааль Зеленой Музы —
Мы воздвигаем на Земле
Наш храм Священного Союза.

И золотая цепь крепка,
И прочны золотые звенья,
И музыка — как тайный знак
Для всех, кто счастлив в Посвященье.

Омыв абсентом кадуцей,
Свои я утираю слезы,
И вновь иду в кругу друзей
Туда, где Свет, к Луне и Звездам.

И мы построим новый храм —
Рубин в моей груди заложен,
И я тебе его отдам
За то, что путь твой был столь сложен.

И в мой смарагдовый чертог,
Где ночью светятся рубины,
Входи, не отирая ног,
Твой путь сюда таким был длинным!

Угольник-циркуль-боль в груди,
И музыка возводит зданья —
И мы начертим новый мир
На квадратуре мирозданья.

Михаил Порядин

Где птицей сидишь под дождем...

Где птицей сидишь под дождем

когда на повороте судьбы
на очень быстром повороте
вдруг замечаешь того
кто всегда за спиной
на расстоянии вытянутой руки

так хочется остановить мгновение

но даже мысленный шаг туда
где ты уже не ты
нет-нет!
птица сидит на одном проводе

а молнии идут без звука

электрический мир молчалив

крики грома
это страхи воздуха
а он в твоих легких
и ты кричишь так громко

как будто опять родился

и снова не видишь, не веришь
ослеп от короткой вспышки
молнии на опоре
на ветке дерева жизни

где птицей сидишь под дождем

Отражение в божьей ладони

Мое отражение в божьей ладони
Возникло на улице после дождя
Мне нужно быть лужей, там дождик-тихоня
Упрятал отряды морских жеребят

Там спят под стеклом огоньки мира нано
На ниточке тонкой, как белая ночь
Там есть переход в Облака Магеллана
Для утренних птиц, улетающих прочь

Мне нужно дожждаться слезы на иконе
Мне можно стать веткой, где птицы сидят
Мое отражение в божьей ладони
Возникло на улице после дождя

Куб рубикона

время летит по прямой курьерским экспрессом
и сжимает пространство стремлений в куб рубикона
мне, белой глине господней тяжело под этим прессом
ощущать себя просто процессом
буквой закона

все обычно, но очень мне что-то сегодня неловко
улыбаться смущенно в лицо сумасшедшему миру
он давно раскусил нехитрость моей уловки
телом быть у сильных
душой у сирых

мир давно поймал меня за язык на наивном слове
отпустил дитя без ножа на большую дорогу
где трава угодно глядит в глаза священной корове
где убийцы удобны смерти
а убогие богу

Красные буквы

1. Красные буквы и складывать страшно
Теплые сверху угля в костре
Ветер подул в Бабилонскую башню
Рукопись скрючил на красном ковре

...время разбрасывать буквы...

2. Красные буквы уснули под пеплом
ветер ушел
тяжесть ночная над миром окрепла
что же еще?

падает с неба пророчество Ванги
не убежать
это пришел полуночный Архангел
слово собрать

3. Красные буквы. Огня теорема
Тихим дыханьем костры ворошит
Чей ты — Сократа ли? Врубеля демон? —
Брат одинокой души

...время ждать ветер...

б...о...с...Х

Слушает лес у незрячего поля
Инок невинный идет по инею
Синие капли... Откуда синее?
Поле сухое
Глазастое, что ли?

Как Босх.
Имя слышалось... кто такой?

А бессонница складывает поленницы
А под снега сном дерева молчат
А Синеглазый не знает о красных зубах волчат
В железном мире
Где сон изменится

Как воск
Под горячей рукой

И станет игра познания пламенем мысли
Известной, как час пересечения границ
Для рукописей быстро исчезающих страниц
Где черный квадрат очага рад
Глотая очевидности искры

Оттепель.

Ночь стала белым щенком и дождя языком
Лизнула добродушно и утешительно
Меня, ступающего робко и нерешительно
На тонкий лед
Где Босх идет босиком

Будто бы
Ветер на лед рисунок принес

Ягоды мерзлые все подобрать бы надо бы
Снежной небесной защитой уже не укрыты
А и во сне нельзя ходить по глазам открытым
Так тонок лед
Отделяющий мысль от судьбы

Хертогенбос

Имя родное мною написано синим, а иней
хрустнул таки под ногой

Оххх —

Тихо тают на темной воде ледяные три букочки
и еще крестик косой

б...о...с...Х

Ницше и намокшие одуванчики

Что-то опять сегодня дожди нечетко
словно какая-то мысль далекая, что ли
пальцами перебивает в ритме чечетки
нечто такое чему не веришь без боли

Кажется катится камень с горы Сизифа
Кажется кланяться перестает болванчик
Кажется каяться это из русских мифов
Дождь. Не летают намокшие одуванчики.

Что-то опять неуютно сегодня в домашней нише
словно на самом деле все стало легко и понятно
к женщине с плеткой входил Заратустра Ницше
нынче такого много и некоторым приятно

Каменной камедью красит заря подоконник
Красным огнем поджигает блик занавеску
Гравий в огне не горит но так быстро тонет
Словно исполнен смыслом как бисер веский

Что-то опять сквозняками в оконной раме
мысли мои гуляют как будто некуда деться
и рассказать бы тебе легко об истинной драме
да не уверен что правду выдержит сердце

Позавчера

Приходим в этот мир как Божьи дети
Проходим школу веры и любви
И сетуем на испытанья эти
Которыми Отец Благословил

Приходим по любви и по ошибке.
Здесь топчем зависть, пожинаем злость
Лишь детский плач пожалуем улыбкой
Ведь с ними врозь — совсем бы не жилось

...позавчера был день рожденья мамы.
Я позвонил ей. Детский голосок:
«Устала я, сынок, ну сил нет, прямо».
...мне, деду, это странно так — «сынок...»

Я отвечал ей так, как только маме.
И это здесь не смею повторить.
И плакала она, как в Божьем Храме
Когда Он просит нас и дальше жить...

Ветер вернулся

Ночью огромный ветер вернулся ломать деревья
Мельницы Бога громко скрипят на космических реках
Громче, чем скрип пера на моем манускрипте
Громче, чем плачет дождь, что просится в окна

И отложил перо, ибо слушаю — скажет ветер
Перебирающий струны дождя руками деревьев
Сколько плодов прошлогодних на дереве зла усохло
Сколько зеленых почек на древе добра проснулось

Ночью огромный ветер вернулся очистить поле
Мельницы Бога медленно катят жернов
Медленней, чем старик подходит к окошку
Медленней, чем темнеет медь на Распятом

И отворил окно, ибо слушаю — скажет ветер
Перебирающий листья книги надежд и счастья
Сколько сердец усталых на дереве зла усохло
Сколько детей счастливых у древа добра проснулось

_____ Где птицей сидишь под дождем... _____

Ночью огромный ветер вернулся с пустыми руками
Мельницы Бога остановил ребенок
Громко заплакал, потом засмеялся маме
Громко, как колокольчик над дверью храма

И удалось уснуть, и по крыльям медленных мельниц
Перетирающих зерна зла до космической пыли
Сделал я семь нетвердых шагов к золотому Чертогу
И помолился, и поучился Любить, а не только верить

Открытому Богу

И удалось уснуть
И сон... — он плакал с Ван Гогом

Ван Гог и пустота

Господи!

Для чего ты сподобил меня художником?
Невозможно так!

Почему душа моя вечно пуста
Не скажу чиста
Но как будто нитки вытягивает из холста
Из меня
Притяжение
Беспрестанного изображения
Красоты и любви непостижимой
Неодолимой

Господи!

Для чего плещешь море во мне глубокое
Одинокое?

Почему корабли без меня ушли?
На краю земли
Я опять собираю их, леплю их из красных глин
И звенят

_____ Где птицей сидишь под дождем... _____

Капли кадмия
Беспредельность угадывая
Игры солнца делая на мгновение недвижимыми
Неуловимые

Господи!
Для чего ты красный цветок раскрыл надо мною
Купиною?

Почему они даже тут, на волне и в воздухе
Подсолнухи?
Неопалимые мои
Подсолнухи

Колокол Ван Гога

Голову в колокол
Олово в золото
Воду в вино и на музыку строфы
Голос гармонии в мире расколотом
В мире голодной Голгофы

Слав нетерпения
Славны ли тернии —
Крест примерять на широкие плечи?
Дерзкое эхо на звоны вечерни
Это не лечит, но легче

Пашем под башнею
Камни вчерашние
Лезут вверх жесткий лемех корежа
А безголосица — самое страшное
В мире, где жизнь, да, возможна!

Холоден холст-то
Шестой день суббота
Бог отдыхает уже над тобой
Но ведь писать — это разве работа?
Разве за деньги — любовь?

Колокол — молотом!
Держишь расколотый
Солнечный луч — аж на сердце ожог
Иконописец Подсолнуха Желтого
Рыжий Винсент Ван Гог

Не на долг о

Давление мысли на сердце
Пока еще в силах нести
И пусть капли камеди смертны
И временны камни пути

И трудно движение в плотном
Как птице в стоячей воде
И все же без этой работы
Мы только никто и нигде

Ведь это не труд, а молитва
Ведь это не долг, а любовь
И пусть же великая битва
Пребудет.
Но только с собой.

* * *

И уже на краю пустоты
где так хочется остановиться
где окликнешь
где Зов Красоты
это знак — это счастье не снится
это мы многоточием капель идем
где птицей сидишь под дождем

Когда из бессмертия в жизнь

Не смел о бессмертье тужить
Не Вечность просил он у Бога
А лишь разрешенья служить
Палитрой Ему, хоть немного

Чтоб след от земного пути
Застыл на холсте каплей красной
Хоть был путь тот, Боже, прости
Порой просто сказкой ужасной...

Но все, что уйдет за холсты
Останется там, ниже рамы
А здесь расцветают цветы
Опять улыбается мама

Как в детстве, в начале начал
Когда мы любовью согреты
Когда мир улыбкой встречал
Вчерашнего ангела Света

Когда из бессмертия в жизнь
Выходят смешные ромашки
...я тоже, о, Боже — скажи —
Родился в холстине-рубашке?

И ты говори /Sprich auch du/

И ты говори,
говори последним,
молви слово свое.

Молви —
Но Да от Нет не отделяй.
И смыслом свое слово надели:
дай ему тень.

Дай ему тени сполна,
дай ему тени так много,
насколько в себе ты разорван познанием между
полночью, полднем и полночью.

Взгляни вокруг:
Смотри, какое все кругом живое —
При смерти! Живое!
Кто изрекает тень, тот истину глаголет.

Но вот то место, где стоишь ты, исчезает:
Куда теперь, лишенный тени, куда?
Встань. Ощути на ощупь высь.
Ты станешь утонченной, невесомей, чутче!
Чутче: нитью, по которой
вниз устремляется звезда:
чтобы внизу плескаться, там внизу,
где в зыбке блеска отражается она: в неуловимости
скитающихся слов.

«Aus Herzen und Hirnen...»

От сердец и от помыслов
всходят колосья ночи,
и слово, реченное косами,
склоняет их к жизни.

Подобно им, онемелые,
мы веем земному навстречу:
наши взоры,
встречаясь, утешения ищут друг в друге,
совлекаются ощупью,
манят во мрак.

Безнадёжно
теперь твоё око в моем замолкает,
блуждая,
я сердце твоё к устам подношу,
ты сердце мое к устам своим тоже подносишь:
теперь мы пьем то,
что жажду часов утоляет.
теперь мы являемся тем,
что дарует часы временам.

По нраву мы им, временам?
Ни отзвук, ни отблеск
не проскользнет между нами, чтобы дать нам ответ.

О всходы, колосья.
Колосья вы ночи.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Содержание

Татьяна Матвеева	7
Михаил Порядин	21
Пауль Целан (Переводы Владислава Цылева).....	37
Валерия Акулова	43
Василий Геронимус	60
Людмила Истратова	139
Юрий Пейсахович	182
Оля Чернавина-Малаховская	195
Сергей Семенов	201
Ирина Ковшевная	205
Ольга Морозова	212
Юлия Великанова	225
Виталий Никонов	232
Зоя Кочеткова	242
Александра Кириллова	247
Вячеслав Буев	267
Светлана Фомина	282
Эрика Эвер	299
Антон Свириденко	306
Анна Тимашова	323
Марина Сорокина	330
Галина Белова	338
Алексей Сиин	341
Мария Зутикова	348
Борис Драгилев	356
Алла Волкова	364
Инна Симхович (Крыжановская)	378
Нина Майорова	384
Елена Ковалева	386
Татьяна Помысова	398

Серия: Живое авторское слово

Многоточие невозврата...

Редактор тома	Т. Помысова
Дизайн оформления серии, оригинал-макет	О. Ершова
Главный редактор	И. Знаешев
Корректор	Т. Брылева

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, Гороховая ул. 25,
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.piterbooks.ru

Подписано в печать 23.01.2013.
Формат: 70x100 ¹/₃₂. Объем: 16,7 усл.-печ. л. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2.